

Кшицова Дануше
Danushe Kshicova

Университет им. Масарика, г. Брно. Чехия
University, Masaryk, Brno. Czech Republic

К ВОПРОСУ О ВОСПРИЯТИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

On the perception of Russian literature in the Western culture

Ключевые слова: Михаил Лермонтов, Фридрих Ницше, неоромантизм, мифопоэтика, идеал.

Keywords: Mikhail Lermontov, Friedrich Nietzsche, neo-romanticism, mythopoetics, ideal.

Аннотация. Автор исследует вопрос восприятия творчества Михаила Лермонтова западноевропейскими читателями. Одним из самых неоднозначных является восприятие Лермонтова таких выдающимся философом конца 19 века, как Фридрих Ницше. Показано, что Ницше мог считать Лермонтова по сравнению с Байроном второстепенным автором. Но это не исключает возможности подсознательного воздействия русского поэта на философа. Насколько родственны Лермонтов и Ницше, можно судить только на основании конкретного сравнительного анализа их творчества.

Abstract. The author investigates the question of perception of Mikhail Lermontov's works by the Western European readers. One of the most controversial is the perception of Lermontov such a prominent philosopher of the late 19th century, as Friedrich Nietzsche. It is shown that Nietzsche could consider Lermontov compared with Byron as the secondary author. But this does not exclude the possibility of Lermontov's subconscious impact on philosopher. How akin are Lermontov, and Nietzsche, can only be judged on the basis of a specific comparative analysis of their creativity.

Дануше Кшицова – выдающийся чешский культуролог, славист, искусствовед, переводчик. Много лет Дана Станиславовна была членом редколлегии «Педагогика искусства». В память о безвременно ушедшей Дана Кшицовой мы публикуем одну из ее последних работ, посвященных ее любимой теме – творчеству Михаила Юрьевича Лермонтова.

Об отношении Ницше к творчеству М. Ю. Лермонтова до сих пор известно очень мало [3-6]. В самой полной библиографии работ о Ницше не приводятся никаких данных, касающихся этой темы, хотя в ней и цитируется ряд русских работ, посвященных сравнительному изучению Ницше и Достоевского или Ницше и Л. Н. Толстого [17]. Сам Ницше о Лермонтове не пишет ни в одном своем печатном произведении, хотя, например, о Достоевском, принадлежавшем к его любимым авторам, высказывается довольно часто [20-22].

Необходимо прежде всего выяснить, знал ли Ницше творчество Лермонтова. Нам удалось узнать [4, s.76], что Ницше читал два основных произведения Лермонтова – поэму «Демон» (немецкий перевод Теодора Опица /Theodor Opitz, 1820-1896/ он купил, будучи шестнадцатилетним юношей, в 1859-60 г.) и роман «Герой нашего времени», прочитанный ему матерью в октябре 1879 г., когда у него болели глаза [4, s.76]. Философу тогда было уже тридцать пять. Важно другое – какое впечатление произвело на Ницше это чтение? Относительно «Демона» пока не удалось найти непосредственных сведений. Однако, судя по тому, что спустя несколько лет он пишет своему другу Эрвину Роде в письме от 21/XII 1874 г., о Т. Опице только как о переводчике Петефи, впечатление от чтения поэмы вряд ли было сильнее нежели влияние остальной романтической литературы, с которой Ницше был знаком.

Свидетельство о том, как Ницше относился к роману «Герой нашего времени» мы находим в его письме от 31/X 1879 г. философу Паулу Рэ: "Sie hat mir Lermontoff vorgelesen; ... ein mir sehr fremder Zustand, die westeuropäische Blasirtheit, ist allerliebste beschrieben, mit russischer Naivität und halbwüchsiger Weltweisenheit ..." (См. об этом: NIETZSCHE, Werke. Walter de Gruyter, Berlin, Bd. IV/4, 82). Ницше пишет, что мама ему читала Лермонтова ...что ему такое душевное состояние, насыщенное западноевропейской ностальгией, русской наивностью и юношеской убежденностью в том, что я проник в суть мировой правды, чуждо, несмотря на чудное изложение. Скептическая характеристика Ницше не дает основания предполагать, что он нашел в романе что-нибудь родственное своей собственной философской концепции. Однако, вполне допустима возможность автостилизации, подобно тому, как это было сначала и в его отношении к Достоевскому [1, 20-22], творчество которого он ценил высоко. Тем более представляется такая возможность в отношении Ницше к Лермонтову, чья популярность повысилась на Западе только в конце столетия в связи с возрождением неоромантических тенденций. Ницше мог считать Лермонтова по сравнению с Байроном второстепенным автором, что, однако, никак не исключает возможности подсознательного воздействия русского поэта на философа. Насколько родственны Лермонтов и Ницше, можно судить только на основании конкретного сравнительного анализа их творчества.

В начале XX столетия, в период культа Ницше, на определенные аналогии в творчестве Лермонтова и Ницше обратили внимание самые известные тогдашние русские писатели – Владимир Соловьев, Д. С. Мережковский, а вслед за ними и другие авторы. Владимир Соловьев находил в Лермонтове «... прямого родоначальника того духовного настроения и того направления чувств и мыслей, а

отчасти и действий, которые для краткости можно назвать "нищезанством" ...» Соловьев, усматривающий в нищезанстве небрежение человеком, пытается найти общественное обоснование сверхчеловека, лишённого божественного бессмертия. Гений может стать сверхчеловеком, т. е. богочеловеком, лишь посредством морального возрождения, которого, по мнению Соловьева, Лермонтову, однако, не достаёт. Соловьев, не понявший сущности характера Лермонтова, считает его гордость и своеобразие – эгоизмом (См. об этом: Вл. СОЛОВЬЕВ, Лермонтов: Вестник Европы 36 (1901) кн. 2, 441-459; Собрание сочинений В. Соловьева, 8. СПб. 1913, 348-370. Ср. также другую статью Соловьева о Ницше: Идея сверхчеловека, 1899: там же, 9: 265-374).

Это утверждение Соловьева вызвало критическое выступление Д. С. Мережковского в его книге «Лермонтов - поэт сверхчеловечества» (См. об этом: Вл. СОЛОВЬЕВ, Лермонтов: Вестник Европы 36 (1901) кн. 2, 441-459; Собрание сочинений В. Соловьева, 8. СПб. 1913, 348-370. Ср. также другую статью Соловьева о Ницше: Идея сверхчеловека, 1899: там же, 9: 265-374).

Мережковский прав, критикуя соловьевскую характеристику Лермонтова, представленного в роли злого демона, который должен был неминуемо погибнуть, так как не был в состоянии покориться Богу. Доказывая на ряде примеров из истории русской литературы, что именно покорности было в прошлом русской общественной мысли всегда достаточно, Мережковский утверждает, что Лермонтов является единственным из русских писателей, богоборчество которого можно сравнить с борьбой Иакова с Богом, которую Господь благословил. Богоборчество Лермонтова связано с вечной дилеммой: если существует Бог, почему на свете столько зла? Анализируя отношение Лермонтова к религии, Мережковский сосредотачивается на его «Демоне». Резюмируя, что Демон – это ни дьявол, ни ангел, Мережковский приходит к мистическому выводу: «Не одно ли из тех двойственных существ, которые в борьбе с Богом не примкнули ни к той, ни к другой стороне? – не душа ли самого Лермонтова в той прошлой вечности, которую он так ясно чувствовал?».

Если мистик Соловьев находил начало лермонтовского таланта в предании о его средневековом шотландском предке, похищенном феями в их сказочное царство, то мистик Мережковский убежден в том, что у Лермонтова: «... Вечное Материнство и Вечная Женственность, то что было до рождения, и то, что будет после смерти, сливаются в одно» (В этом отношении Мережковский близок С. Фрейду. Напр., трагедию короля Лира Фрейд усматривает в том, что старый король должен был избрать одну из трех женщин, среди которых Корделия была воплощением Моар – королевой смерти, представляющей собой третью форму материнства. Первой из них является по Фрейду сама мать, второй – любовница, похожая на мать, и третьей – мать-земля, принимающая почившего человека в свои объятия. Ср.: R. MARTHE, La revolution psychoanalytique, La vie et l'oeuvre de Freud, 2 tomes. Paris 1964, Freud et la literature).

В отличие от Соловьева, считавшего теорию сверхчеловека для Лермонтова гибельной, Мережковский был убежден в том, что демонизм Лермонтова, который был с его точки зрения русским вариантом теории сверхчеловека, был заодно

путем поэта к его искуплению. Философский смысл теории сверхчеловека для них обоих в сущности не является важным.

С виталистической точки зрения Демона анализирует В. В. Розанов – хороший знаток дохристианских религий. Доказывая, что дохристианский культ плодородия был в христианстве заменен культом смерти, Розанов находит в демонизме аналогию с дохристианскими религиями – с их культом природы. Поэме «Демон» он дает высокую оценку именно потому, что вопрос о сущности добра и зла здесь автором решается не в узко этическом, а в широко трансцендентальном смысле (См.: В. Розанов, «Демон» Лермонтова и его древние родичи: Русский вестник, т. 281, 47; СПб. 1902, 45-56).

Определенный отголосок русской эстетической мысли, связывающей Лермонтова с Ницше, есть также в чешской критике и философии того времени. Самыми известными были, естественно, упомянутые работы Владимира Соловьева и Д. С. Мережковского. Книга «Лермонтов – поэт сверхчеловечества» была одобрена, например, самым известным чешским критиком Франтишком Ксавером Шальдой, справедливо утверждавшим, что Лермонтова нельзя ограничивать никакой односторонней интерпретацией. Его творчество перерастает байронизм, субъективизм, а также теорию сверхчеловека.

Анализом философско-эстетических взглядов В. Соловьева, в том числе и его интерпретацией Лермонтова, занимался первый президент Чехословакии социолог Т. Г. Масарик во втором томе своей истории русской философской мысли «Россия и Европа». Соловьев считает, по мнению Масарика, основным принципом творчества М. Ю. Лермонтова скептическую и пессимистическую рефлексию, дающую повод к познанию самого себя.

Хотя нам удалось найти некоторые сходные черты в характерах Ницше и Лермонтова, которые отразились в их отношении к женщинам а также в их иронии, доходящей иногда до сарказма, наиболее важно исследовать взаимоотношение их мифопоэтики.

Для философии Ницше характерны следующие проблемы:

- 1) каково «действительное» положение человека в мире;
- 2) как обыкновенно воспринималось положение человека в мире со стороны предшественников Ницше;
- 3) каково будет правильное представление о человеке, если мы узнаем его «действительное» положение в мире.

Оригинальность Ницше заключается не в постановке новых проблем в философии, а, главным образом, в их максимально радикальном решении. Ницше убежден в том, что свое место в мире определяет сам человек. Этот факт должен быть поэтому, с его точки зрения, воспринят как поведение «человеческое, слишком человеческое». Из этого основного положения следует заключение, которое Ницше все время повторяет в самых разнообразных формулировках. Оно является ответом на первый вопрос: Положение человека в мире, каковым оно «в действительности является – не имеет смысла. Это основное несогласие Ницше с действительностью мы найдем во всех его трудах. Ницше, убежденный в случайности, хаотичности, чудовищности и бессмысленности всего в мире и

самого человека, борется против всевозможных авторитетов и «вечных» категорий. От нового восприятия античной культуры Ницше переходит к критике современного переосмысливания истории, к отрицанию фальшивой морали, к отрицанию христианства как деморализующей идеологии, до осуждения человека толпы, или такого проявления посредственности, каким был для Ницше немецкий филистер.

С таким же отвращением к действительности, полностью несоответствующей идеалу современного человека, с похожим аристократическим отвращением к посредственности и связанным с этим чувством разочарования, потери иллюзий и скепсиса, мы встречаемся в творчестве всех романтических поэтов, в том числе и Лермонтова. Отсюда и чувство исключительности, столь характерное для романтического восприятия поэта. Поэт становится пророком, несмотря на то, что это пророк, преследуемый насмешками и потому бежавший из общества (см. «Пророк» Лермонтова), или философ, воспользовавшийся только именем, а не учением древнеперсидского мудреца Заратустры. У Ницше, как и у всех романтиков, ум борется со страстным чувством, что и отразилось в его двойственном отношении к собственному поэтическому таланту. Он и гордился им и презирал его, (In: *Esse homo*. K. SCHLECHTA, Nachwort. p. 1446. Шлегль обратил внимание на то, что с теми же мыслями можно встретиться и в других произведениях Ницше: *Menschliches, Allzumenschliches* (I, 810), *Morgenröthe* (I, 903; I, 1045), etc.), что видно из его саркастических изречений о языке.

Все произведения Ницше, начиная с «Человеческого, слишком человеческого» – это, в сущности, своеобразно мотивированные афоризмы, что определяется самим творчеством Ницше и состоянием его здоровья. С 1876 г. Ницше мог читать из-за своей глазной болезни лишь с большими затруднениями. Когда он писал, он предпочитал ничего не читать, чтобы не отвлекаться. Принадлежа к моторному типу личности, он создавал большинство своих произведений во время продолжительных прогулок в горах. В таких условиях он не мог писать по-другому. Определенная афористичность характерна и для творчества Лермонтова [23], как и для ряда других писателей и философов эпохи романтизма: Шеллинга, Окена, Стеффенсона, Новалиса [15]. В отличие от романтиков, которые хотя и борются с действительностью, но воспринимают ее как трудно преодолимую реальность, Ницше – завершитель нигилистических тенденций – отвергает все конвенции. Сознание бессмысленности мира дает ему абсолютную свободу критики всего и возможность искать другой принцип в жизни [19]. Ницше считает, что всё в жизни зависит лишь от самого человека, которого надо совершенствовать как единственную реальность. Так возникает образ сверхчеловека. Для большинства трагических героев демонического типа эпохи романтизма характерен высокий интеллект и стремление к познанию [2].

Основная мифопоэтическая модель, связывающая «Демона» и поэму в ритмизованной прозе «Так говорил Заратустра» – тема сильной личности. Не удивительно, что у Лермонтова, продолжателя Пушкина и европейского романтизма [6] она воплощается в библейском образе поверженного ангела, в то время как у Ницше – родоначальника неоромантизма и предшественника

символизма – она связана с полупоэтичным реформатором иранской религии Заратуштрой (греч. Зороастр) – главным героем Авесты и ее древнейшей части Гаты – свода древнеиранских гимнов, обращенных к единому Богу–Творцу Ахура Мазде. Первоисточником анализированных произведений Лермонтова и Ницше – широкий круг архетипических образов, перевоплощенных гениальным воображением обоих авторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азадовский К. М., Дудкин В. В. Проблема "Достоевский - Ницше" [Электронный ресурс] // Достоевский в Германии, III. : <http://dostoevskiy.niv.ru/dostoevskiy/kritika/dostoevskij-v-germanii/germaniya-iii-problema-dostoevskij-nicshe.htm/2014-07-31>.
2. Иернэ V., Essai sur le Titanisme dans la Poésie Romantique. Praha 1935.
3. Клысов Д. Lermontov předchůdce Nietzscheovy filozofie? Slavia 1971, 2, 184-203;
4. Клысов Д. Poema za romantismu a novoromantismu: Česko-ruský paralely. Brno: Univerzita J. E., Purkyně 1983, 182 s., s. 67-86;
5. Кшицова Д. Фридрих Ницше и М. Ю. Лермонтов. Studia Slavica Hungarica. Akadémia Kiado, Budapest, 33/1-4, 1987, 119-129.
6. Кшицова Д. Поэмы Лермонтова и европейский романтизм. Zagadnienia Rodza-jyw Literackich (Jyd) 1975, XVII, z. 1: 55-78.
7. Montinari M. Nietzsche. Rom: Astrolabio-Ubaldini, 1975.
8. Nietzsche, F. Werke, Kritische Gesamtausgabe. Hrsg. Von G. Colli und M. Montinari, IV. Abt., Bd. 1-3, IV/4, Berlin: De Gruyter 1967, 1969.
9. Nietzsche, F. Sämtliche Werke: Kritische Studienausgabe in 15 Bänden, (Herausgegeben von Giorgio Colli und Mazzino Montinari. Berlin: De Gruyter 1980.
10. Nietzsche, F. Streifzüge eines Unzeitgemäßen, Götzen-Dämmerung. Werke in drei Bänden, München 1955, 2: 1021.
11. Nietzsche-Studien. Red. M. Montinari, Hrsg. von, Berlin, New York: Walter de Gruyter.
12. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. Зав. ред. Н., А. Гуревич. Ред. В. Бакушев. М.: Изд. МУ 1990, 300, с.
13. Одуев С.Ф. Тропами Заратустры, М.: Мысль 1971.
14. Пульхритудова Е. М. «Демон» как философская поэма. // В сб.: Творчество М. Ю. Лермонтова. Отв. ред. Отв. ред. У. Р. Фохт. Москва: Nauka 1964, 76-105.
15. Růdl E., Romantický vmda. Praha: Jan Laichter 1918, 290 s., s.197-200.
16. Rau F., Disparate Ansätze in der Nietzsche-Forschung: Nietzsche-Studien 31 (1978) 3, 290-298.
17. Reichert H. W., Schlechta K., International Nietzsche Bibliography. Chapel Hill: University of North Carolina, 1960, 133 p.
18. Schlechta K. Nachwort// Nietzsche, F. Werke in drei Bänden. Band 3 – herausgegeben von Karl Schlechta. München 1956, p. 1431-1452. München: Carl Hanser Verlag,

2014./ <http://www.hanser-literaturverlage.de/buecher/buch.html?isbn=978-3-446-10840-0/2014-07-31>.

19. Schlehta K. Der Fall Nietzsche, Aufsätze и. Vorträge. München: Carl Hanser Verlag, 1958.

20. Смирнов А. В. Достоевский и Ницше. Казань, 1903.

21. Smirnov A. I. Dostojewskij a Nietzsche. Praha 1905.

22. Tramer B., Dostojewskij a Nietzsche: Slavia 19 (1950), 61-85.

23. Эйхенбаум Б. М., Лермонтов. Опыт историко-литературной оценки

Ленинград: Государственное издательство 1924. Nachdruck. Hrg. Von Dmitrij Tschihewskij etc. München: Wilhelm Fink Verlag 1967 (Slavische Propyläen, B. 35).